

Чжан Дэфу раздул огонь в жаровне, подумал и сказал:

— Позвольте рабу сказать кощунственные слова: генерал Минвэй вырос в Ханьцзине, в детстве часто бегал во дворец, и раб с детства наблюдал за ним, как он рос. С малых лет у него был добрый нрав, всем улыбался, скорее сам потерпел бы ущерб, чем обидел других. Даже позже, все эти годы, проведённые вне дома, сколько трудностей он перенёс...

Тут Чжан Дэфу сделал паузу, увидев, что император Цзинфэн смотрит на него, снова прочистил горло и продолжил:

— Даже если за эти годы он перенёс немало лишений, всегда говорил и действовал с суровым лицом, люди его боялись, страшились его, но раб считает, что в глубине души генерал Цинь всё тот же добрый юный господин, что и прежде.

Такой человек, даже если бы убивал, не стал бы использовать жестокие и зверские методы.

Император Цзинфэн уловил смысл его слов, не стал ни опровергать, ни соглашаться, лишь закрыл предыдущий меморандум и открыл следующий.

За пределами Чертога Чэнхэ не утихал холодный ветер, в чертоге же ярко горели огни, было тепло и спокойно.

Что же до того дня, когда Пэй Чоу был забран обратно Чжан Хэншум, последовал новый раунд вопросов и ответов: тот боялся, что Пэй Чоу под давлением авторитета резиденции герцога не посмеет рассказать ему правду.

Пэй Чоу терпеливо успокаивал своего наставника и гарантировал, что впредь не станет легкомысленно подвергать себя опасности, тот раз был всего лишь совпадением.

Во время беседы Пэй Чоу узнал, что Цинь Янь не так давно стал отпрашиваться по болезни, не являясь ни на придворные заседания, ни на армейские тренировки, Чжан Хэншуй тоже давно его не видел, и все эти аномалии, казалось, начались... после его смерти?

Лишь после случая похищения человека в Персиковом источнике мир узнал, что генерал Минвэй, отпрашивавшийся по болезни, на самом деле отправился на собрание чистых бесед.

Военному участвовать в великом собрании чистых бесед уже достаточно потрясающе, не говоря уже о военачальнике такого положения, как Цинь Янь.

Пэй Чоу тоже находил это странным, но не из-за высокого поста Цинь Яня, а потому что с самого их знакомства Цинь Янь больше всего не любил такие собрания литераторов, даже как-то заявил: всего лишь толпа безмозглых бездарей, несущих чушь.

В этот день Пэй Чоу только что отметил, как увидел, что Чжан Хэншуй несёт корзину, и велел Пэй Чоу временно отложить дела.

Пэй Чоу увидел в корзине бумажные деньги и ладан, опешил.

— Сегодня седьмой день со смерти первого министра Пэй. Первый министр Пэй любил покой, Его Величество, опасаясь, что в день поминания толпа у могилы первого министра будет некрасиво рыдать, потревожив покойного, специально повелел допустить только родственников первого министра. Сяошань, сходи туда, и от имени учителя возложи благовония первому министру Пэй.

— И от меня!

— И от меня тоже!

Цао Цзыхуа и Цао Цзычжань неизвестно откуда выскочили, каждый держал по три палочки благовоний и охапке бумажных денег, быстро сунули всё в корзину, обменялись взглядами, увидев, что Чжан Хэншуй бросил на них сердитый взгляд, но не стал ругать, и снова умчались с невероятной скоростью.

Пэй Чоу принял корзину и кивнул.

Вот ведь, ещё и самому себе благовония жечь придётся.

Согласно обычаям Даюань, на седьмой день дома обычно устанавливают поминальную табличку, зажигают благовония и свечи, подносят вино и яства для жертвоприношения.

Император Цзинфэн запретил чиновникам и народу идти рыдать у могилы, но не запретил им приходить в резиденцию великого наставника. Пэй Чоу издали увидел, что перед воротами резиденции великого наставника чёрной массой стоит толпа народа, все рыдают, среди них несколько знакомых лиц с придворных заседаний.

Пэй Чоу, изначально собиравшийся зайти, возложить благовония и спросить у Пэй Вана о делах, тут же оставил эту мысль.

Он направился прямо в восточное предместье.

Проходя через восточный оживлённый рынок, кто-то, кажется, узнал его, затем прикрыл лицо и что-то говорил своему спутнику.

Пэй Чоу внутренне усмехнулся, остановился у фруктового лотка и под предлогом выбора фруктов прислушался к их разговору.

— Это он? Это он? Двоюродный племянник первого министра?

— Он, я видел, как он разговаривал с управляющим резиденции великого наставника, называл его молодой господин Пэй.

— Генерал Минвэй приглянулся ему? У этого тщедушного телосложения и ветром сдуть может, о чём только думал генерал Цинь?

— Тссс, тише!

Пэй Чоу подумал: я уже всё услышал, а вы только сейчас вспомнили, что надо тише?

— Генерал Цинь разве тот вульгарный тип, что смотрит на лицо! По-моему, у этого белоручки должны быть какие-то выдающиеся достоинства...

Молодой господин Пэй Белоручка больше не мог слушать, наспех выбрал несколько фруктов и стремительно удалился.

Действительно, клеветать — только рот открыть, а опровергать — не набегаешься. Раньше он не раз слышал выдумки простолюдинов, но чтобы так... сплетничать о нём и Цинь Яне вместе, это же просто...

Недаром всю дорогу он чувствовал, что многие смотрят на него странно, оказывается, слухи уже расползлись до неузнаваемости.

Он вдруг вспомнил ту сцену в Персиковом источнике, почувствовал, как лодыжка и ямочка на плече слегка загорелись, поспешно глубоко вдохнул, похлопал себя по лицу, чтобы успокоиться, и ускорил шаг.

Могила Пэй Чоу была построена в восточном предместье, вдали от городской черты, император Цзинфэн велел выбрать место с хорошей фэншуй, у горы и рядом с водой.

К могиле великого наставника нужно было пройти через лес, где росли в основном высокие софоры, листья к этому времени почти облетели, у обочины были разбросаны цветные бумажные подношения, вероятно, обронённые похоронной процессией.

Пэй Чоу скучающе смотрел на жёлтые опавшие листья на земле, думая, что лучше бы посадили бамбук — вечнозелёный, он больше всего любил бамбук, только в холодном северном климате его, наверное, трудно вырастить.

Подумав мгновение, он сам нашёл это забавным, поднял голову и случайно бросил взгляд. Сквозь редкую листву он увидел, что перед могилой великого наставника, кажется, стоит на коленях человек.

Пэй Чоу остановился.

Из-за большого расстояния Пэй Чоу лишь смутно различал, что это мужчина, судя по телосложению, довольно высокий, весь в чёрном, тело слегка наклонено вперёд, руки упираются в землю, голова глубоко опущена, а распущенные волосы скрывали лицо.

Пэй Чоу прислушался, лёгкий ветерок коснулся его уха, донесся тихое прерывистое рыдание.

Это плач по нему?

Пэй Чоу, как замороженный, сделал несколько шагов вперёд, желая разглядеть лицо этого человека.

Вдруг сзади раздался звук, Пэй Чоу инстинктивно обернулся.

Увидел, что на дереве в двух-трёх чи от него огромная толстая ветка, растущая горизонтально, внезапно переломилась и повисла, почти оторвавшись, след был свежим, потому что её только что отломили.

Пэй Чоу дёрнулся уголком глаза.

Этот метод был слишком уж нарочитым. И действительно, когда он снова обернулся, чёрный человек уже исчез.

Пэй Чоу перебрал в уме возможных, но слишком много было тех, кто хотел бы тайно возложить благовония, но не желал быть обнаруженным, и он не смог сразу определить, кто это.

Он спокойно зажёт благовония и бумажные деньги, собираясь уходить, как заметил, что землю по обе стороны от могилы великого наставника кто-то потревожил: слева и справа она была аккуратно вскопана, затем снова засыпана, и, кажется, даже полита.

Пэй Чоу всё понял: должно быть, Пэй Ван и другие закопали здесь корни деревьев, чтобы

следующей весной они проросли, а через несколько лет, когда вырастут зелёные деревья, они могли бы сопровождать хозяина этого места.

В это время за рощей софор.

— Не мог ты сломать ветку поменьше? Или устроить какой-нибудь другой шум? Ты посмотри, на это же непохоже! Это разумно?

— А я разве не спешил? Ещё мгновение — и хозяин бы обнаружился!

Цинь Сы был ошарашен этими словами и не знал, как дальше ругать.

Реакция Цинь Шилю всегда была самой быстрой, если бы не эта выходка, отвлёкшая внимание Пэй Чоу, эти двое, возможно, уже столкнулись бы лицом к лицу.

Цинь Янь молча появился позади них, как бы невзначай бросил взгляд в определённом направлении и отвёл глаза.

— Как насчёт дела, которое велел вам проверить?

Цинь Сы отдал поклон и почтительно ответил:

— Ответвляя хозяину, этот Пэй Сяошань действительно дальний двоюродный племянник покойного первого министра Пэй... господина Пэя, занимает должность ланчжуна Министерства церемоний, происхождение и семейная история чисты, они, кажется, признали родство всего месяц назад. Министр церемоний Чжан Хэншуй — наставник Пэй Сяошаня, относится к Пэй Сяошаню как к родному сыну, очень ценит.

— И всё?

— То, что обнаружил подчинённый, только это... Ах да! Ещё молодой господин Пэй в последнее время, кажется, часто ходит в Министерство финансов. Заместитель министра финансов Чжао Лин — близкий друг Чжан Хэншуя, их отношения очень тесные.

Выслушав, Цинь Янь без выражения на лице удалился.

Глаза Цинь Шилю загорелись:

— Интуиция подсказывает мне, что у этого парня Пэй Сяошаня в душе что-то скрыто.

Цинь Сы надавил на его голову, зажал её под мышкой и яростно взъерошил его чёрные волосы.

— Глазастый ты парень! Почему при хозяине не сказал?

— А разве я что-то выяснил? — Цинь Шилю ловким движением вырвался, поправляя волосы, сказал:

— Четвёртый брат, может, сами проверим?